

Н. Русова, В. Шевцов

«Сумерки свободы»

Перед нами — ода. Но ода необычная. Прежде всего, что славит поэт? «Сумерки свободы», «роковое бремя», «невыносимый гнет» власти. Казалось бы, в этом есть что-то противоестественное. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что первое впечатление обманчиво. Торжественная, приподнятая интонация существует сама по себе, независимо от содержания: она призвана выражать экстатическое состояние духа, которое помогает прояснить очертания открывающейся перед духовным взором картины:

В ком сердце есть — тот должен слышать, время,
Как твой корабль ко дну идет.

Поэт смиряется перед такой неизбежностью и призывает извлечь из нее смысл. «Боевые легионы» ласточек должны указать дорогу затерянному в водах кораблю — России. Поворот руля, «скрипучий» и «неуклюжий», символизирует переломный момент в истории страны. «Ну что ж, попробуем...» — поэт согласен на эксперимент (стоивший в конечном счете ему жизни); однако финал стихотворения заставляет задуматься. Даже «в летейской стуже» (то есть в вечности, после смерти) следует помнить о том, что в погоне за земными благами (а ведь революция обещала именно их!) утеряно, угасло что-то высшее («...десяти небес нам стоила земля»), то, чему поэт не может найти подходящего названия, бессвязно пробуя на звук одно за другим: «...О, солнце, судия, народ» (такие вроде бы бессмысленные перечисления характерны для Мандельштама: «Россия, Лета, Лорелея»; «Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита»).

Стихотворение следует традициям «поэтического косноязычия», заложенным в XVIII веке авторами «пиндарических» од (от имени древнегреческого поэта Пиндара). Вольный ямб, «темная», малопонятная местами образность, своеобразная тавтологичность, разлитая по всему тексту (отметим хотя бы рифму «бремя» — «бремя» или оборот «Мужайтесь, мужи»), — все эти поэтические средства создают впечатление вдохновенно льющегося потока речи, чуждого песенной гладкости.